

— О, классная, ты такая важная? Если я сказал, что сделал это нарочно, значит, так и есть? — Линь Тао с ехидной ухмылкой сделал два шага вперёд. Его квадратное лицо и грубые черты вблизи выглядели особенно угрожающе, создавая ощущение непреходящей злобы. — Умник сам ничего не сказал, а ты тут лезешь. Кем ты ему приходишься?

Он повернулся к Цзин Му:

— Ты позволяешь девчонке за тебя говорить? Ты вообще мужик?

Грубо и отвратительно.

— Ты!

Цзин Му оттянул Цао Яно назад и, выступив вперёд, сказал Линь Тао:

— Твои извинения я принял. Иди своей дорогой.

— Хах, — Линь Тао фальшиво усмехнулся. — Я же искренне извиняюсь, зачем так спешишь меня выгнать? Люди подумают, что я тебя обижаю, это будет некрасиво звучать.

— Умник! Ты же у нас как редкий зверь. Если я тебя обижу, классный руководитель меня разорвёт. — Он с усмешкой посмотрел на Цао Яно. — Да и наша классная тоже не позволит, правда?

— Классная, умник сам не хочет, чтобы ты за него заступалась, а ты лезешь. Люди подумают, что ты его жена, это будет некрасиво.

Цзин Му резко сказал:

— Лучше следи за своим языком.

— А что я такого сказал? Ни одного плохого слова. — Он ногой опрокинул мольберт Цзин Му. — Ты меня оскорбляешь, а мне это не нравится. Хоть я и двоечник, а ты умник, но ведь вы говорите, что все равны, так что нечего смотреть на меня свысока.

Цзин Му любил густо накладывать краску, и большая часть его работы ещё не высохла. После того как мольберт упал, краска размазалась по сухой траве, превратив картину в хаос. Его взгляд застыл на испорченной работе, рука, держащая Цао Яно, сжалась сильнее, и всё его тело напряглось, словно он изо всех сил сдерживал что-то внутри.

Глупый, эгоистичный, невежественный и бесстыдный, без принципов и элементарной морали...

Образ Линь Тао в глазах Цзин Му стал размываться, сливаясь с другими образами из глубины памяти. Эти истеричные, уродливые картины, как грязная вода, бурлили, пытаясь вырваться из-под хрупкой крышки.

Он почувствовал, как ему трудно дышать, а затем его охватила тошнота.

Лу Юши издали увидел троих, стоящих друг против друга. Линь Тао, этот ублюдок, пока классный руководитель не видел, ушёл с группы, явно нарываясь на конфликт с его братом. Когда он подбежал ближе и увидел беспорядок, его охватила ярость.

Не хотел связываться с таким идиотом, но почему он должен терпеть это? Удар, который Лу Юши нанёс, был сконцентрирован всей его силой.

В ушах раздался женский крик, похожий на звук ногтя по стеклу. Но его кулак остановился в сантиметре от переносицы Линь Тао. Кто-то схватил его за запястье. Рука была тонкой и изящной, с краской на кончиках пальцев.

Чтобы остановить Лу Юши, Цзин Му приложил все силы, и на его руке выступили вены.

— Не дерись, — сказал он.

— Бля! — Линь Тао не ожидал, что Лу Юши внезапно нападёт, и, когда понял, что происходит, кулак уже был перед его лицом. Он инстинктивно отшатнулся, но этот шаг задел его самолюбие, и он начал орать:

— Ты, ублюдок, совсем охренел? Ладно, сегодня я тебя проучу, иначе я не Линь! Смотри, как ты выпендриваешься! Тварь, у которой есть отец, но нет матери!

Цзин Му потянул Лу Юши в сторону, и кулак Линь Тао прошёл мимо. Последние слова Линь Тао, вероятно, были сказаны бездумно, но они явно заделали Лу Юши, и его глаза налились кровью.

— Я сегодня убью эту сволочь, брат, не останавливай меня!

Цзин Му, схвативший Лу Юши за руку, был отброшен, и ему едва удалось ухватиться за край его одежды. Он бросился вперёд, обхватив брата за талию и оттягивая его назад.

Честно говоря, остановить спортивного парня ростом под два метра было нелегко. Цзин Му едва не упал, пытаясь удержать брата, но тут подоспели Ван Чжэ и Сунь Лунин. Сюй Фэн, известный как «король щита», встал между Линь Тао и Лу Юши, разделив их.

Сюй Фэн спокойно произнёс:

— Не деритесь.

— Не останавливайте меня! — Лу Юши, охваченный яростью, пытался вырваться и ударить Линь Тао. Цзин Му, державший его, едва не получил удар локтем, но Сунь Лунин вовремя подставил руку.

— Сюй Фэн, ты, ублюдок, смеешь меня останавливать? Вы, жалкие твари, давайте все вместе, я вас не боюсь! — Линь Тао продолжал орать, его грубый голос, как наждачная бумага, вызывал головную боль у Цзин Му.

— Лу Ши, — Цзин Му, стоя в стороне, пока Сунь Лунин и Ван Чжэ держали Лу Юши, спокойно сказал, — успокойся.

Его голос был тихим, но чётким среди криков и ругани.

Лу Юши не мог разжать кулаки, вены на висках пульсировали, словно кровь вот-вот прорвёт кожу. Его грудь тяжело вздымалась, а мозг был заполнен гулом. Перед глазами снова появилась женщина, стоящая в шаге от него, с улыбкой на губах.

— У тебя есть отец, но нет матери, бедный ребенок.

— Ты любишь маму? Любишь ли ты маму?...

Её тонкий голос, как роса на лепестках роз, обволакивал его, сладкий и навязчивый, от которого не было спасения.

Кто-то взял его кулак, пальцы были прохладными.

— Ши, не обращай внимания на тех, кто провоцирует тебя. Не давай им того, чего они хотят.

— Да, брат Лу, не связывайся с этим ублюдком, он просто ищет приключений, — поспешно сказал Ван Чжэ.

Линь Тао заорал:

— Ван, ублюдок! Кого ты называешь ублюдком? Бля!

— Кто откликается, тот и есть, не лезь на рожон.

Кажется, Ван Эрчжэ пришёл не мирить, а подливать масла в огонь.

— Заткнись, — Сунь Луин оглянулся. — Классный руководитель идёт. Брат Лу, пошли, если останемся, нам влетит.

Цзин Му взглянул на Линь Тао, чувствуя, что от его уродства у него болят глаза. Возможно, ярость Лу Юши была настолько сильной, что все негативные эмоции, которые он чувствовал ранее, рассеялись. Ощущение потери контроля, которое он испытывал, тоже исчезло.

Лу Юши, чувствуя прохладное прикосновение на руке, внезапно успокоился. Увидев, как классный руководитель приближается с характерным выражением лица, он понял, что лучше уйти.

— Ван Чжэ, Сунь, и ты, Сюй, идите бежать. Спасибо вам, — Лу Юши отпустил их и повёл брата в другую сторону.

Цао Яно хотела последовать за ними, но классный руководитель остановил её, чтобы узнать, что произошло. Линь Тао, не сумев устроить драку, продолжал ругаться, пока Ли Гохуа не прижал его к месту.

— Лу Юши, куда ты идёшь? Вернись! — Ли Гохуа крикнул вслед Лу Юши и Цзин Му.

Цао Яно, видя, что Лу Юши даже не обернулся, сама начала объяснять учителю.

Лу Юши привёл брата к месту, где лежали вещи спортсменов, и отдал ему свою куртку.

— Прости, я...

— Всё в порядке, — Цзин Му прервал его, глядя на брата. — Ши, не зацкливайся на том, что не можешь изменить. Иногда думать об этом и чувствовать себя подавленным — это нормально. Но если позволить себе утонуть в жалости к себе, это слабость.

— Слабость — это самая бесполезная трата энергии, — Цзин Му надел куртку Лу Юши и похлопал его по плечу. — Мы живём только раз, и самое важное — это быть счастливым.

— А что касается этих идиотов, — Лу Юши удивился, давно не слыша, чтобы брат ругался, — не трать на них время. Мы не их родители, чтобы учить их, как жить. Просто игнорируй их.

Он улыбнулся, чтобы успокоить брата.

<http://bllate.org/book/15440/1369438>